

Фантастическая тварь

Рассказ

12+

Марина Полунина

Марина Владимировна Полунина

Фантастическая тварь

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67640520

SelfPub; 2022

Аннотация

Фантастические твари... Вы встречали такую? Конечно, встречали. Ведь, на самом деле, они живут вовсе не в волшебном мире, а среди нас – в нас самих. Но как они рождаются в нас? Как в нас попадают? Об этом – история Ани, девочки-подростка, которая лучше всех на свете играла на пианино.

Марина Полунина

Фантастическая тварь

С Аней мы вместе учились в музыкальной школе. Она была отличницей, а я кое-как тянула на тройку. Точнее, отличницей – не то слово. Аня была лучшей в нашей музыкалке. Играла она фантастически, ее единственную взяла на обучение директор школы, и все в один голос прочили ей блестящую карьеру пианистки.

Мы и дружили из-за музыки. Моя мама очень поощряла эти отношения, так как считала, что я, глядя на Аню, я буду тянуться к ее уровню. Ну а Анина семья не возражала, потому что я, конечно, не была ей никаким конкурентом. К тому же это было всем удобно – мы учились в одном классе и в общеобразовательной школе.

Расчет мамы был отчасти верным. Аней я действительно искренне восхищалась. И еще ее талант будто дарил мне какие-то новые возможности. Каждый раз глядя на академических концертах, как она играет, я будто начинала видеть что-то необычайное.

Это всегда был особый ритуал – и все, всем залом, его ждали. Аня выходила на сцену, садилась на специальную, оббитую кожей, табуретку за рояль, медленно вдыхала, спина ее выпрямлялась, лицо становилось очень сосредоточенным,

руки в белых длинных рукавах, напоминавшие лебединые шеи (Аня всегда носила белые рубашки с длинными рукавами), на секунду замирали над клавишами – и от соприкосновения с ними вдруг оживали. И – быстро-быстро, невероятно быстро и синхронно они начинали летать над клавишами, извлекая из них что-то волшебное, совершенно идеальное, от чего мне всегда виделось разное – поляны с разноцветными цветами, залитые солнцем, драконы в золотой чешуе, старинные замки под танцующими звездопадами. В эти моменты, глядя это внутреннее, каждый раз разное, кино, я забывала обо всем на свете, влекомая потоком чистого счастья. Я становилась лучше и добрее. И другие тоже. Достаточно было взглянуть на директоршу нашей музыкалки, всегда сидевшую в первом ряду. Огромная, квадратная, из-за гигантского черного шиньона на голове и крупных, грубых, словно камни черт лица похожая на неприступную скалу с большим вороньим гнездом на вершине, всегда суровая на расправу, отчего ее боялись и дети, и родители, она вдруг закрывала глаза и начинала покачиваться в такт Аниной музыке, слегка улыбаясь. Многие в зале так улыбались – будто от Аниной игры на нас всех сходила благодать.

Но только я знала, чего эта благодать стоила самой Ане.

Поскольку родители поощряли нашу дружбу, мы много времени проводили у Ани дома – делая вместе уроки и играя в куклы в перерывах, от чего часто еще не могут отказаться-

ся девочки в 12 лет. И вот в такие моменты я не раз становилась свидетелем того, как Анины родители «стимулируют ее талант». Причем не только музыкальный – в школе Аня тоже была круглой отличницей. Раз, когда мы сделали уроки и играли, в комнату зашла Анина мать. Она имела такую привычку – появляться незаметно и вообще обладала крайне незаметной внешностью, напоминая мне сбежавшую из тетради кляксу из старого советского мультфильма – контур в треугольном платье с хвостиком на голове. Но в этот раз мы не сразу заметили ее еще и потому, что ползали по полу, усердно укладывая кукол спать. И то, что случилось дальше, было тем страшней, что произошло внезапно.

– Что это? – тихим голосом сказала Анина мать.

Мы обернулись и только тогда я поняла, что в руках у нее Анин школьный дневник.

– Что это такое! Говори, тварь?!

Второй раз мать уже кричала, и, кажется, совсем не ждала ответа. Внезапно она начала лупить Аню дневником по лицу. Аня же только закрывала лицо руками.

«Что там такое?» – не успела подумать я, как в комнату зашел отец. По пути он вынимал ремень. Все, что дальше произошло, было удивительно тихо. Пока Аню били, она не издала ни звука – только в воздухе свистел ремень и тихо поскуливала я, забившись в угол от страха, не смея заступиться за подругу – ведь это были ее родители. К Ане по разбро-

санным куклам и их мебели я решила подползти только когда они ушли из комнаты. Потная, с покусанными губами, она тихо вздрагивала в углу. Все руки, кроме кистей, были в красных полосах от ремня. В тот момент я поняла, почему она всегда носит рубашки с длинным рукавом. И еще – почему она круглая отличница. Били Аню в тот вечер за четверку по математике.

Тот академический концерт случился поздней весной. И был не похож на другие. Обычно мы играли разные произведения – кто что подготовил. На нем же всей параллелью должны были играть один этюд Черни. Все один и тот же – на скорость. Мы выходили по очереди и играли – кто быстрее, кто медленнее, но, конечно, все ждали выхода Ани. Она должна была играть последней. И вот объявили ее выступление. Аня вышла, как всегда, села на табуретку, медленно вдохнула, выпрямила спину, сосредоточилась, подняла руки над клавишами и заиграла. Боже мой! В тот раз она играла просто, как никогда. Не просто огромная скорость – космическая! Пальцы ее неслись по клавишам так, как будто их не было вовсе – казалось, она просто проводит туда и сюда руками над белым оскалом рояля, а музыка возникает сама. Зал будто снесло яростным порывом ветра, и даже у суровой скалы-директора вороной шиньон съехал набок! Сама же она, как всегда, сидевшая в первом ряду, на этот раз не тихо улыбалась, а оскалилась, как лихой полководец, за пять минут одним махом выигравший страшный бой.

Когда вдруг, в середине этюда, я поняла, что с Аней происходит что-то неладное. Она стала очень красной, потом – белой, как стена, потом – пошла пятнами. Тем не менее, этюд она доиграла блестяще. И, поклонившись под громовые аплодисменты, как всегда, с достоинством, пошла в зал, села рядом со мной. Только тут я заметила, что пальцы ее в крови.

– Аня! Что это?! – в ужасе я потянула на себя ее окровавленные руки. – Ты разбила пальцы об клавиши, да?!

И вдруг, не вынимая своих рук из моих, она засмеялась. Тихо и будто счастливо.

– Нет, нет, – сказала она. – Совсем другое. Представляешь, когда я играла, там, на дальнюю клавишу, сел огромный комар. Фантастически огромный комар! И прикинь, я играю, руки туда несутся, а он там сидит! И я понимаю, что он сидит там!!! А я несусь-несусь на него руками!

Рассказывая, она все больше смеялась, и я, сквозь этот нарастающий булькающий смех, почти совсем уже перестала понимать ее.

– И что? Что?! – встряхнула я ее за руки, которые она так и не отняла у меня, отчего мне казалось, что я держу в руках какую-то окровавленную драгоценность, до которой мне лишь дали дотронуться, подержать, а ей без этой ноши намного-намного легче.

– Что?! – вдруг Аня стала смеяться совсем истерично и громко. – Да я раздавила пальцем эту тварь! Понимаешь, одним пальцем раздавила эту тварь! И доиграла, вот испачка-

лась. Это его кровь – не моя! Чужая кровь – кого он там в зале кусал... Хааа-ха-ха!

Запрокинув голову, она начала хохотать так, что, казалось, сейчас захлебнется этим смехом. И поняв, что у нее истерика, я скорей вывела подругу из зала. Вернулись мы только на объявление победителей. Конечно, Аня победила в том конкурсе. За это ей дали диплом и сказали много восхищенных слов...

Лет десять прошло после того, как мы встретились после окончания школы. Я приехала ненадолго домой из другого города. И, выйдя из автобуса, встретила Аню, которая катила коляску в гору. Мы остановились поболтать. Она рассказала о том, как закончила универ, вышла замуж, родила. Ждет, когда закончится декрет, хочет на работу.

– А где работаешь? – спросила я.

– Да менеджером в фирме, – отмахнулась Аня.

– А как же музыка? Неужели ты не пошла в музучилище?

Все же говорили...

Аня посмотрела на меня, чуть дольше, чем до этого.

– Я больше не играю, – сказала она. – Я раздавила эту тварь.

И вдруг она улыбнулась мне точно такой же тихой и счастливой улыбкой, как часто улыбались люди в зале, слушая ее музыку. Тихой, умиротворенной и счастливой – как раньше не улыбалась никогда.